

ОТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ И РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ СУЛЕЙМАНА ВЕЛИКОЛЕПНОГО: НА ИСТОРИЧЕСКОМ РАСПУТЬЕ

Мухутдинов Артур Равилович
Аспирант,
Санкт-Петербургский
государственный университет

THE RELATIONS OF TURKEY AND RUSSIA IN SULEIMAN'S THE MAGNIFICENT REIGN: ON THE HISTORICAL CROSSROADS

A. Mukhutdinov

Annotation

In the article there is carried out the analysis of the Turkish policy for Russia in the period of Suleiman The Magnificent reign. The reasons of the prevailing peace policy between two states are differentiated. With the use of a descriptive method, the historical, comparative analysis there are considered the factors promoting formation of prerequisites of the hostile attitude towards Russia from Turkey and also a changeable vector of the Turkish policy, activation of military collisions between the countries in further prospect. A main objective of the author is search of the answer to a question of what of the scientific points of view considered in article on a problem and in what degree are true. The author drew a conclusion that change of course of Turkey concerning Russia on hostile after the oprichnik revolution, contrary to a number of statements, was not final.

Keywords: Russia and Turkey, Suleiman I, Suleiman The Magnificent, Russian-Turkish relations, Russian-Turkish wars.

Аннотация

В статье осуществляется анализ турецкой политики в отношении России в период правления Сулеймана I. Дифференцируются причины преобладающей мирной политики между двумя государствами. С использованием описательного метода, исторического, сравнительного анализа рассмотрены факторы, способствовавшие формированию предпосылок враждебного отношения к России со стороны Турции, а также переменчивого вектора турецкой политики, активизации военных столкновений между странами в дальнейшей перспективе. Основной целью автора является поиск ответа на вопрос о том, какие из рассмотренных в статье научных точек зрения по проблеме и в какой степени соответствуют действительности. Автором сделан вывод, что изменение курса Турции в отношении России на враждебный после опричного переворота, вопреки ряду утверждений, не было окончательным.

Ключевые слова:

Россия и Турция, Сулейман I, Сулейман Великолепный, российско-турецкие отношения, русско-турецкие войны.

История российско-турецких отношений охватывает более пяти столетий. В последнее время и отечественные, и турецкие исследователи неоднократно подчеркивают схожесть обеих стран с историко-культурной, цивилизационной точки зрения. Идентичность исторических судеб, двух трансконтинентальных империй, своеобразных духовных лидеров восточно-христианского и мусульманского мира, уникальное геополитическое положение, историко-культурная-роль "Востока" на Западе и "Запада" на-Востоке, географическая близость – все это способствовало и продолжает благоприятствовать развитию многовековых экономических, политических, этнических, духовно-культурных связей России и Турции [1, с.3]. Все это позволяет вести речь о своеобразном феномене отношений "Россия-Турция" [2, 3], содержание которых на протяжении веков было крайне различным: как мирным, так и конфликтным.

В настоящее время перед российской наукой встает крайне актуальный вопрос о том, как правильно и объек-

тивно оценить эволюцию отношений двух стран в контексте достаточно большого числа существующих по данной проблеме мнений со стороны представителей различных научных направлений. Следует подчеркнуть, что одним из дискуссионных при этом остается вопрос о том, в какой исторический период и какие именно предпосылки выступили катализатором формирования враждебного вектора турецкой политики по отношению к России, а также какие обстоятельства, наоборот, способствовали эффективным и мирным взаимоотношениям между двумя странами. Для ответа на этот вопрос необходимым является тщательный, многосторонний исторический анализ каждого из периодов в генезисе российско-турецких отношений с использованием максимального числа исторических источников, включая сравнительный анализ противоречащих мнений исследователей различных направлений, что в совокупности позволит создать максимально объективную историческую картину событий. Однако подобная задача носит не только комплексный, но достаточно долговременный ха-

ракти. В настоящей статье, охватывающей анализ российско-турецких отношений в период правления Сулеймана I, предпринята попытка совершить определенные шаги в обозначенном направлении.

Как известно, при правлении султана Сулеймана Великолепного (1520–1566) Османская Порта достигла апогея своего развития. При этом активизация процессов развития охватила и внешнеполитическое направление. Что касается отношений двух держав в этот период, то их можно охарактеризовать как сложные и неоднозначные. Первой русско-турецкой войной официально считается война 1568–1570 гг., которая состоялась уже после смерти Сулеймана I (1566). Однако мнения о ее предпосылках, как и о российско-турецких отношениях в период царствования Сулеймана Кануни в целом, достаточно различны. Многие отечественные историки ведут речь об агрессивных замыслах Турции в отношении России, в свою очередь турецкие заявляют об отсутствии в политике Османской Империи враждебных намерений, западные же исследователи часто упоминают о "равнодушии, недостаточном внимании к действиям московитов". [4, с.59–61, 92; 5, с.210–211; 6, с.39; 7, с.45]

Опираясь на изучение исторических источников по проблеме, представим авторский взгляд на данную проблему.

Приступая к анализу, следует обратить внимание на тот факт, что сразу же по восшествии на трон, в 1521 г., Сулейман дважды прямо запрещал крымскому хану идти походом на Россию, [4, с.49] а в 1523 г., по некоторым сведениям, к разгрому крымского войска ногайцами при попытке завоевания Крымом Астрахани имела отношение не только российская, но и турецкая дипломатия. [8, с.247]

Рассмотрим трактовку причин этих событий в различных источниках. По мнению М.С. Мейера, Сулейман не видел в России союзника против Польши или польско-крымской коалиции, но, считая противниками Габсбургов и папство в Европе, Сефевидов и португальцев в Азии, полагал целесообразным поддерживать мирные отношения. [9, с.104] Принимая во внимание точку зрения М.С. Мейера, ее необходимо проанализировать в плане соответствия действительности и в случае утвердительного ответа – подвергнуть объективному анализу на предмет того, почему и когда данное положение дел претерпело изменения.

Обращаясь к историческим событиям, нужно признать, что правление Сулеймана I действительно сопровождалось практически непрерывными войнами с австрийскими или испанскими Габсбургами и их союзниками (Венгрия, Венеция и т.д.), с Ираном и др. Война с Венгрией, которой вскоре начали оказывать помощь

Габсбурги, началась уже в 1521 г., когда турецкой стороной был завоеван Белград.

Еще одной причиной, сдерживающей позиции Турции по отношению к Крымскому ханству, на взгляд исследователей, выступало то, что последнее отнюдь не поддерживало идею турецкого господства на Каспии [10, с.330], впрочем, как и идею усиления турецких позиций на северных берегах Черного моря. В.Д. Смирновым констатируется тот факт, что вся история Крымского ханства после его подчинения в 1475 г. Османской Империи определялась "борьбой двух начал – национально-татарского, стремившегося к полной самостоятельности, и... турецко-османского, старавшегося... сохранить за собой верховенство над Крымом" [11, с.139]. Это противостояние доходило до прямых актов неподчинения и даже восстаний со стороны ханов, помимо всего прочего, вызванных и недовольством крымской правящей знати султанскими запретами нападать на Россию.

Лишь с гибелью крымского хана Ислам-Гирея в 1537 г. власть Турции над Крымом существенно укрепилась, [4, с.56–58; 12, с.102–114] однако разногласия при этом не были исчерпаны. На наш взгляд, совершенно необъективную и исторически не соответствующую действительности точку зрения высказывает автор исследования "История Крыма" А.Р. Андреев (хотя его работа основана на многочисленных исторических источниках), который отмечает, что "по указанию турецких султанов Крымское ханство обязано было проводить политику, враждебную Московскому государству, однако татарские ханы часто выступали на русской стороне во время войн Москвы с Литвой и Польшей". [11, с.140] Исторические события, напротив, свидетельствуют о прямо противоречащей ситуации, за исключением ситуации 1534–1537 гг., когда Крым выступил против Польши в союзе с Россией и Молдавией, но не вопреки, а, как справедливо подчеркивает А.Д. Новичев, под давлением Турции. [13, с.90–91] Однако влияние польского фактора в российско-турецких отношениях заслуживает отдельной работы и не является предметом исследования в настоящей статье. Для нас в данном случае важно отметить то, что султан сдерживал ханскую агрессию против России, не в последнюю очередь потому, что резонно опасался, что, подчинив себе большую часть бывших золотоордынских владений, крымский хан перестанет нуждаться в вассальных отношениях с ним.

Для более полной объективизации картины по исследуемой проблеме генезис российско-турецких отношений необходимо и крайне важно рассматривать в контексте общеевропейской истории. Подходя к анализу в данном ракурсе, в первую очередь следует обратить внимание на тот факт, что Сулейман I действительно был занят другими вопросами. Некоторые авторы отмечают, что после битвы при Мохаче (1526), в которой было на-

несено сокрушительное поражение объединенному венгро-чешско-хорватскому войску, султан, получив определенную индульгенцию, активизировал антироссийскую политику, [4, с.59–61, 92] однако при этом ими не приводится никаких объективных исторических аргументов в подтверждение данной позиции. Между тем, исторические данные свидетельствуют, что после битвы при Мохаче позиция султана, как уже подчеркивалось, отнюдь не соответствовала указанной.

Как показывают исторические факты, мир с династией Габсбургов, разделивший Венгрию между ними и турецким ставленником Запольяи, был заключен только в 1533 г., но почти сразу вспыхнула война с Ираном (до 1555 г.), а в 1535–1540 гг. – с Габсбургами, Папой Римским и Венецией на Средиземном море; в 1540 г. снова начались военные события в Венгрии. [14, с.82–84] Эта война закончилась миром в Адрианополе 1547 г. и разделом Венгрии на австрийскую и турецкую части и зависимое от Турции княжество Трансильвания. [15, с.194] Закономерно, что в подобных условиях официальная позиция Стамбула на действия Москвы в отношении постордынских ханств по-прежнему была попустительской. Так, хотя в 1524 и 1538 гг. турецкими посольствами и были сделаны при Московском дворе официальные заявления о том, что Казанское ханство признало себя османским вассалом, [4, с.82, 101] однако эти слова не нашли никакого подтверждения практикой.

В ряде источников (А.В.Виноградов, Г.А.Санин) [16] есть указания на участие османских войск в набегах крымцев на Россию в 1536, 1537, 1552 ("отмечено участие турок") гг.; однако достоверность этих данных доподлинно не установлена. По версии И.Б.Грекова, в 1537 г. султан просто предписывал крымчакам оказывать содействие казанскому хану [8, с.290]. В некоторых источниках также можно обнаружить сведения и о том, что в 1541 г. в ханском походе на Москву принимали участие и турки. Однако с позиции современного исследователя можно предположить, что в 1541 г. (равно как в 1537 и 1552 – Авт.) это были не османы, а крымские регулярные части, организованные по образцу янычар. [12, с.117–118] Мы уже отмечали тот факт, что для осман в 1541 г. выяснение и прояснение отношений с российской стороной не являлось приоритетным вопросом: помимо войны в Венгрии (как раз в 1541 г. была взята Буда), им пришлось в это время отражать испанский поход в Алжир [17, с.220]. В целом, нужно заметить, что анализ участия османских войск в военных действиях Крымского ханства, который, возможно, может выявить новые детали в контексте исследуемого вопроса, также заслуживает отдельного научного исследования.

Письмо же султана, датированное 1552 г. в поддержку независимости Казани, как высказывает пред-

положение С.Н.Чернявский, было сфабриковано крымским ханом, чтобы повысить моральный дух казанцев. [12, с.137] На завоевание Астрахани (1554–1556 гг.) официальный Стамбул, как видится, не посчитал нужным обратить официального внимания.

В 1556–1560 гг. русские перенесли боевые действия на территорию Крымского ханства и в районе Очакова разбили турок, хотя присутствуют некоторые сведения, что и в Очакове это были совсем не турки, а организованные по образцу янычар крымские части. [12, с.146–148] Данное предположение подтверждается и тем фактом, что в 1556 г. хан обращался за помощью к турецкой стороне, однако не получил ее. [18, с.57] Лишь в 1558 г. произошло первое достоверно подтвержденное столкновение с турками: русскому воеводе Д.Адашеву при разгроме западного берега Крыма удалось захватить два турецких корабля. [11, с.145–147] Однако и тогда Турция не спешила оказывать помощь Крыму. Представляется, что поиск причин подобной ситуации необходимо осуществлять опять-таки в контексте анализа общеевропейской политики.

В этой связи нужно упомянуть, что в данный период Западная Европа была расколота на два лагеря. Один представляла мировая держава Габсбургов, включавшая Священную Римскую Империю и Испанию. Ей, в свою очередь, противостояла коалиция Франции, протестантских стран (Англия, Скандинавские страны, немецкие протестантские княжества, с 1566–1572 гг. – Нидерланды). В эту же коалицию ходила и Османская Турция.

Правительство Ивана Грозного поддерживало Габсбургов по двум причинам. Во-первых, "римский цесарь" пользовался определенным уважением со стороны Ивана Грозного лично как преемник Древнего Рима. [19, с.314] Во-вторых, Габсбурги выступали за то же самое, за что после опричного переворота стал бороться и Иван Грозный – против ограничения монаршего деспотизма, против буржуазного развития, против западных протестантов и их русского аналога – "нестяжателей".

Так, одним из поводов к Ливонской войне послужил переход ливонцев из католичества в лютеранство. Даже ведя военные действия с католическими Польшей и Литвой, Иван Грозный неоднократно подчеркивал, что борьбу он ведет на самом деле с "безбожными лютерами". [20, с.41] Со своей стороны, Папа Римский уже в начале 1560-х гг. всерьез рассматривал первого русского царя в качестве союзника Контрреформации, вплоть до его участия в Тридентском соборе. [20, с.41] Исследователи указывают на наличие исторических сведений о том, что Иван Грозный завещал русский престол эрцгерцогу из дома Габсбургов, если его сын Федор останется бездетным (завещание было уничтожено Борисом Годуновым). [22, с.414]

Однако нужно еще раз обратить внимание на тот факт, что данный вектор политики явно обозначился только после опричного переворота, ознаменовавшего конец "либеральных" по тем временам реформ Адашева – Сильвестра и поворот к деспотизму и тирании. История свидетельствует, что внешняя политика представляет собой продолжение внутренней политики. Так, в 1570 г., по инициативе царя произошло резкое ухудшение отношений между российской стороной и одним из главных врагов Габсбургов – английской королевой Елизаветой, установленные в "либеральный" период царствования – не только на том основании, как указывает Р.Г.Скрынников, что она не самодержавная государыня, которая "сама всем владеет", но у нее "люди всем владеют" и помимо "государевых прибытков" и "своих прибытков смотрят, но и потому, что "Филиппа короля Шпанского английские люди с королевства свели (после смерти в 1558 г. его супруги – королевы Марии Кровавой – Авт.), а тебя учинили на королевстве". [20, с.316]

Возможно, и Сулейман Великолепный надеялся, что Россия все же примет сторону союзников Турции в конфронтации с Габсбургами. На наш взгляд, в значительной мере можно согласиться с утверждением М.С.Мейера о том, что "русский курс Стамбула с 1514–1516 гг. ... принципиально не менялся до конца 1560–х гг., и именно по указанным этим автором причинам. Однако "других противников" у Турции хватало и после 1566 г. (год смерти Сулеймана Великолепного) – например, с 1566 по 1568 гг. Турция воевала с австрийскими Габсбургами. [17, с.233–241, 253–254, 265] Скорее, закономерно предположить, что причина перемены турецкой политики состояла в переориентации Ивана Грозного на Габсбургов.

Впрочем, поход 1569 г. на Астрахань потерпел неудачу, а с 1570 г. Турция снова вступила в войну с Габсбургами, в этот раз испанскими, и Венецией. [23, с.28] В успешном крымском походе на Москву 1571 г. турки не участвовали. Приводимые рядом авторов сведения об участии в походе крымцев 1572 г. (завершившимся на этот раз разгромом ханского войска в битве на Молодях) турецкой артиллерии и 7000 янычар вызывает такие же сомнения, как и в предыдущих походах: [18, с.174, 188; 12, с.163] туркам, восстанавливавшим свой флот после разгрома при Лепанто, было не до новых военных действий. Дж.Бальфур прямо указывает, что по мирному договору 1570 г. "татары и москвиты были предоставлены самим себе для выяснения отношений". [17, с.250] В свою очередь, Г.Штаден, отмечает, что при крымском войске "было несколько знатных турок"; [24, с.20] о янычарах при этом упоминания отсутствуют.

Очередное столкновение России и Турции произошло при выборах польского короля в 1576 г. Вопреки усилиям как России, так и Габсбургов в итоге избран был

ставленник Турции, трансильванский князь Стефан Баторий. Отметим, что Россия поддерживала свои претензии прямыми военными действиями против Польши, а Турция – военной демонстрацией 120-тысячного крымского войска на польских границах. Не вполне понятно, выступало ли продуманной частью подобной демонстрации разорение крымцами Волыни. [11, с.420]

Однако это преодоление исторического распутья с поворотом к конфронтации оказалось не окончательным. С переходом Польши в габсбургско-католический лагерь (окончательно – в Смутное время) внешнеполитическая позиция России снова претерпела изменения. Россия Романовых в Тридцатилетней войне стала поддерживать антигабсбургскую коалицию, и то, чего напрасно ожидал во время своего правления Сулейман I, наконец произошло: Россия и Турция стали союзниками. Так, Турция воевала с Польшей в Смутное время (1614 г.) или в 1633–1634 гг., в период Смоленской войны, хотя Крымское ханство в той войне оказывало помощь польской стороне. Отметим, что и попытки "бунта" ханов против султанов имели место. [11, с.181–183] Со своей стороны, русское правительство, не желая портить отношения с Турцией, приказало донским казакам оставить Азов, захваченный ими в 1637 и удержанный против турецкой армии в 1641 гг.

Ситуация изменилась лишь после окончания Тридцатилетней войны, означавшей крах претензий Габсбургов на мировую гегемонию и соответственно переформатирование всей мировой политической и геополитической ситуации. Противоречия между Россией и Турцией повысили потребность в хороших отношениях, и с последней трети XVII в., через сто с лишним лет после кончины Сулеймана Великолепного, историческое распутье было пройдено, и русско-турецкие войны стали частым явлением.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в исследуемый период, с точки зрения исторической достоверности, не совсем корректно вести речь о полном "равнодушии, недостаточном внимании турок к действиям москвитов", однако в силу того, что Сулейман I считал противниками Габсбургов и папство в Европе, Сефевидов и португальцев в Азии, он полагал целесообразным поддерживать мирные отношения. Поэтому, хотя и нельзя абсолютно уверенно говорить об отсутствии в политике Османской Империи враждебных намерений в отношении России, но в анализируемый период Турции по ряду отмеченных нами выше в статье причин приходилось их всячески сдерживать.

Вопрос о том, усматривал ли Сулейман I в период своего правления в России союзника против Польши или польско-крымской коалиции, хотя бы периодически,

– заслуживает отдельного внимания и дальнейшего тщательного научного исследования. Однако нам видится важным в качестве итогового вывода подчеркнуть тот факт, что изменение курса Турции в отношении России с миролюбивого на враждебный после опричного переворота, вопреки уже упомянутому выше в нашей статье утверждению М.С.Мейера, не было окончательным в силу того, что после Смутного времени Россия вновь стала рассматриваться Турцией как союзник против Габсбургов. Русско-турецкие отношения окончательно изменили свой вектор и приобрели враждебный характер лишь примерно через столетие после смерти Сулеймана Великолепного (1556).

Отметим, что осуществленный автором в настоящей статье историко-сравнительный анализ не претендует на исчерпывающий характер. Исследуемая нами проблема русско-турецких отношений, как уже обращалось внимание, носит достаточно многоаспектный характер и требует детального и многостороннего изучения, которое невозможно осуществить в ограниченных рамках одной статьи. Однако мы надеемся, что предпринятое

автором исследование в контексте отдельных выявленных несоответствий в высказываемых точках зрения исследователей, внося свой вклад в освещение изучаемой проблемы, задаст новые направления для дальнейшего пристального исследования – к которому, на наш взгляд, следует еще более обширно подключить источники зарубежных авторов, а также историко-документальные сведения с турецкой стороны.

В настоящее время картина российско-турецких отношений продолжает обогащаться не только новыми событиями, но и качественно новыми историческими источниками, документальными материалами, которые требуют изучения. Сегодня Россия и Турция обладают высоким потенциалом влияния на геополитическую обстановку в евразийском панрегионе, что позволяет по-новому обозначить проблему дальнейшего развития российско-турецких отношений в текущих условиях, с научной точки зрения более плодотворно оценить возможные перспективы генезиса двусторонних отношений, опираясь на исторический опыт их эволюции и его анализ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиганшин М.К. Эволюция российско-турецких отношений: от двустороннего сотрудничества к многоплановому партнерству: Дисс... канд. полит. наук: 23.00.04. Бишкек, 2008. 213 с.
2. Иванов С.М. Россия и Турция (общее и особенное в историческом развитии в эпоху средневековья и новое время) // Россия и Восток /Под ред. С.М. Иванова, Б.Н. Мельниченко. СПб.: Питер, 2000. 120 с.
3. Гюль А. У наших стран одна судьба // Международная жизнь. 2004. № 4–5. С.145–153.
4. Кузнецов А.Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в.). Мн.: изд-во "Университетское", 1963. 136 с.
5. Fisher A.W. Muscovite-Ottoman Relations in the Sixteenth and Seventeen Centuries // Humaniora Islamica. V.1. Hague-Paris, 1974. Pp.30–42.
6. The Ottoman Empire: The classical age, 1300 – 1600/ Halil Inalcik; Transl. by Norman Itzkowitz. London: Weidenfeld a. Nicolson, Cop. 1973. 257 с.
7. Kurat A.N. Turkiye ve Idil boyu. Ankara: TRP, 1966. 200 p.
8. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М.: изд-во "Восточная литература", 1963. 374 с.
9. Мейер М.С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений// Османская Империя. Проблемы внешней политики и отношений с Россией. М.: ИВ РАН, 1996. С.47–116.
10. Мадариага И. де. Иван Грозный. Первый русский царь. М.: Омега, 2007. 604 с.
11. Андреев А.Р. История Крыма. М.: Монолит-Евролинец-Традиция, 2002. 276 с.
12. Чернявский С.Н. Крымская империя. От ханства к Новороссии. М.: Вече, 2016. 384 с.
13. Новичев А.Д. История Турции. Т.1. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 314 с.
14. Петросян Ю.А. Османская Империя: могущество и гибель. СПб.: Наука, 2017. 350 с.
15. Финкель К. История Османской Империи. М.: АСТ, 2017. 832 с.
16. Набеги крымских ханов // Большая российская энциклопедия: Электронная версия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2638424 (дата обращения: 12.06.2018)
17. Бальфур Дж. П. Османская Империя. Шесть столетий от возвышения до упадка. XIV–XX вв. М.: ЗАО "Центрополиграф, 2017. 639 с.
18. Пенской В.В. Иван Грозный и Девлет-Гирей. Из истории русско-крымского противостояния в XVI в. Белгород: Изд. дом "Белгород", 2012. 237 с.
19. Валишевский К. Иван Грозный (репринт. изд-е, 1912) М.: ИКЛА, 1989. 418 с.
20. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. Борис Годунов. Василий Шуйский. М.: АСТ Транзиткнига, 2005. 1005 с.
21. Иван Грозный и иезуиты. Миссия Антонио Поссевино в Москве/ Сост. В.И.Курукин. М.: Аграф, 2005. 250 с.
22. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т.1. М.: Сварог, 1995. 768 с.
23. Коллас. История Турции// История Турции. М.: Евролинец, 2003. С.5–86. Штаден Г. Записки о Москве Ивана Грозного. М.: Росспэн, 2002. 238 с.